

Аглая Ковчер

Последняя
из
Волчьего клана

они не будут забыты

Аглая Ковчер

Последняя из Волчьего клана

<https://litres.ru/74317587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то пять кланов котов жили здесь в согласии: Медвежий охранял, Лисий изучал, Барсучий лечил, Заячий разведал тропы, а Волчий хранил тайны. Но открылся Разлом — и в лес пришли Тени. Они не монстры. Они — души умерших, которые забыли, кем были.

Волчий клан вошёл в Разлом, чтобы сдержать границу изнутри. Снаружи осталась лишь Юки — последняя из своего клана, с янтарными глазами и чёрными подушечками лап, по которым аномальная земля не может причинить ей вреда.

Теперь граница света сжимается снова. Тени подходят всё ближе. И лес забирает у Юки тех, кто стал её семьёй, — Ловику «Ракшу», грозную Стража, что ушла во тьму, чтобы её близкие никогда не дрожали.

Юки предстоит решить: бежать дальше — или вернуться за теми, кого у неё забрали. Потому что память — это не груз. Это дорога.

Тёмная, но тёплая повесть о памяти, семье и о том, что любовь не забывается даже после смерти. Книга-приквел вселенной «КотоЗона. Усатые аномалии» студии Whiskered Dreams.

Содержание

Пролог. Лес, который забыл, как мурчать	5
Глава 1. Совет у корней	10
Глава 2. Бегство	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Аглая Ковчер

Последняя из Волчьего клана

Последняя из Волчьего клана

Аглая Ковчер

Разлом разрушил гармонию пяти кланов котов: Тени, выходящие из него, — не монстры, а души умерших, забывших, кем они были. Волчий клан вошёл в Разлом, чтобы сдержать границу, и снаружи осталась лишь Юки — с виной выжившей и даром ходить по аномальной земле. Вслед за кланом во тьму уходит Ловика «Ракша», приёмная мать, — на своих условиях, чтобы сторожить потерянных. Вместе с названной сестрой Юзи и сыном Ловики Олэном Юки перестаёт бежать: трое возвращаются к Великому Дубу, зажигают первый костёр нового лагеря, и Юки начинает Летопись. Это история о памяти как силе и семье не по крови, с открытым финалом — мостом в игру «КотоЗона: Усатые аномалии»: путь вглубь леса, чтобы спасти Ловику и вернуть имена забытым. Пока мы продолжаем путь — они не будут забыты.

Пролог. Лес, который забыл, как мурчать

Я стою на краю. Передо мной — лес, который когда-то был нашим домом. Теперь он мерцает. Деревья дышат не так, как должны. Воздух пахнет озоном и чужими снами. Где-то там, в глубине, пульсирует Разлом — рана, которую мой клан не смог залечить.

Юки — это имя мне дала мать. Последняя из Волчьего клана.

Мои лапы помнят тепло Шатра Старейшины. Мои уши помнят песни сородичей луне. А мои янтарные глаза... они помнят ту ночь. Ночь, когда всё изменилось.

Разлом рос. Каждый день — новые трещины в реальности. Каждый закат — новые Тени, голодные и холодные. Учёные Лисьего клана шептались о том, что сердце леса болеет. Целители Барсучьего клана варили отвары, но они не помогали. Стражи Медвежьего клана держали дозор, но Тени проходили сквозь их когти. Коты Заячьего клана обходили территорию в поисках припасов и свежих следов появления Теней.

А мой клан... Волчий клан хранил тайны. Мы знали, что аномалии — это не просто искажения. Мы знали, что за каж-

дой Тенью стоит чья-то душа. Кто-то, кого когда-то любили. Кто-то, кто забыл, как мурчать.

Старейшина созвал совет. Я была слишком мала, чтобы присутствовать, но я слышала. Я пряталась за корнями и слушала, как они спорили.

— Мы должны войти в Разлом, — сказал Старейшина. — Изнутри. Сдержать его.

— Это самоубийство, — прошипел кто-то.

— Это жертва, — ответил Старейшина. — Если мы не уйдём, Разлом поглотит всех. Но если мы войдём... станем его частью. Мы станем Тенями. Но лес выживет.

Тишина. Долгая, тяжёлая тишина.

А потом — кивки. Один за другим. Весь Волчий клан. Двадцать три кота. Они шли на верную смерть. Они шли, чтобы стать монстрами, которых будут бояться.

Моя мать подошла ко мне последней. Она не плакала. Волчьи не плачут. Но её янтарные глаза — такие же, как мои — горели так ярко, что я зажмурилась.

— Беги, маленькая, — прошептала она. — Найди Ловику. Она примет тебя.

— А ты? — мой голос дрогнул.

Она улыбнулась. Грустно. Нежно.

— Мы станем хранителями. Изнутри.

Она лизнула мой лоб. Её шерсть пахла лунным мхом и дождём.

— Живи. Помни. И не бойся Теней. Мы не злые. Мы просто... забыли.

А потом они ушли. Все вместе. Двадцать три силуэта растворились в мерцающей тьме Разлома. И лес замер.

Я бежала, пока лапы не закровоточили. А потом были граница, темнота — и Ловика, которая подняла меня. И Юзи — сестра, которую я нашла уже у её костра.

Ловика была огромной, как и все коты из Медвежьего клана. Массивная, с куцым хвостом и маленькими ушками. Соплеменники звали её «Ракша» — демон. За характер, за срывы... За то, что она рычала на Тени так, что они отступали.

Она приняла меня. А потом... потом появился Олэн, её сын. Маленький котёнок с глазами, полными страха. Мы стали семьёй.

А потом Ловика тоже ушла. Я помню тот день. Тени стали ближе. Разлом пульсировал так сильно, что земля дрожала. Она стояла на краю лагеря, глядя в мерцающую тьму. Олэн цеплялся за её хвост.

— Мама, не уходи, — шептал он.

Она обернулась. Её глаза — такие тёплые, такие живые — посмотрели на него. Она не плакала. Ракша не плачет.

Она наклонилась и коснулась лбом его лба.

— Слушай меня, маленький, — её голос был твёрдым, как камень. — Если ты вдруг встретишь меня снова... знай — я тебя не забуду.

Олэн кивнул. Слезы текли по его шерсти, но он не издал ни звука.

А потом она ушла. В Тени... В Разлом... И никто не видел её больше.

Прошло много лун. Лес изменился. Теперь здесь водятся крысы с костяными коронами, пауки, сплетённые из теней, и рыбы, что светятся в темноте, как умирающие звёзды. Люди бы назвали это проклятым местом и обошли бы стороной.

Но лес всё ещё ждёт.

Я стою на краю. Мои чёрные подушечки — подарок Волчьего клана, защита от аномальных поверхностей — сейчас кажутся мне проклятием. Они не дают мне сбежать. Они зовут меня обратно.

Каждая Тень в этом лесу — это кто-то, кого я знала. Каждый искажённый силуэт — это чья-то душа, которая забыла, как мурчать. И среди них... может быть... моя мать. Может быть... Ловика.

Я дрожу. Страх шепчет: беги. Но чёрные подушечки зовут обратно, и в груди, под рёбрами, теплится упрямое: я должна.

— Юки?

Голос за спиной. Я оборачиваюсь. Юзи, моя сестра. Её длинные уши дрожат от ветра. Она улыбается, но я вижу страх в её глазах. Она боится за меня.

А рядом — Олэн. Массивный, молчаливый Страж из

Медвежьего клана. Он смотрит на лес так, будто хочет найти там кого-то. Я знаю, кого. Его мать. Ловика. Та, что сказала ему: «Я тебя не забуду».

Мы — трое. Последняя из Волчьего клана, её сестра и брат. У нас нет выбора. У нас есть лишь мы сами.

Я делаю шаг вперёд. Мои лапы касаются земли, и я чувствую — лес узнаёт меня. Он шепчет на забытом языке, но я понимаю.

«Вернись. Заверши. Освободи».

Я не знаю, смогу ли. Я боюсь Теней и боюсь встретить среди них тех, кого любила. Но я — Волчий клан. Мы храним тайны. И я узнаю правду. Даже если она разобьёт мне сердце.

— Идём, — говорю я. — Нам нужно построить лагерь. Нам нужно понять, что произошло.

Юзи кивает. Олэн молча выпускает когти.

Мы входим в лес. КотоЗона просыпается. И у неё будут новые хранители.

Глава 1. Совет у корней

Мне было всего три луны от роду, но я уже знала, что лес умирает.

Я не понимала этого умом, но чувствовала это носом. Раньше воздух пах сырой землёй, хвоей и тёплым молоком матери. Теперь — озоном, горелой шерстью и чем-то сладковатым, от чего тошнило. Птицы молчали много дней, и даже ветер перестал шелестеть в кронах. В тот день даже солнце светило сквозь листву, как сквозь мутную воду.

Я сидела в глубоком дупле старого корня, поджав хвост. Мои янтарные глаза — я так гордилась ими, ведь они были точно как у матери, — сейчас были широко распахнуты от страха. Мои длинные уши, улавливающие каждый шорох, были прижаты к голове.

Вокруг Великого Дуба, нашего Шатра, собрались все. Я видела их через узкую щель в коре дерева.

Лисы — стройные коты с длинными пушистыми хвостами и рыжей шерстью, которая обычно лоснилась на солнце, — сейчас выглядели тускло. Их задумчивые глаза бегали по сторонам, хвосты нервно подёргивались.

Барсуки — крупные, неуклюжие коты с удлинёнными мордами и маленькими глазками — нервно переминались с лапы на лапу. Их целебные травы в сумках давно высохли и превратились в труху.

Медведи — массивные, мускулистые коты с куцыми хвостами и маленькими ушками — сидели мрачные, их когти впились в землю. Они привыкли рвать врагов, но как рвать то, что проходит сквозь когти?

В центре, на самом высоком корне, сидел Старейшина. Его шерсть была белой, как первый снег, но теперь в ней проступали тёмные, мерцающие пятна — следы соприкосновения с Разломом. Усы его поседели до прозрачности, а тень на земле на полшага отставала от него, будто не поспевала за хозяином.

— Сердце леса гниёт, — голос Старейшины был тихим, но в наступившей тишине его слышал каждый. — Ритуал Связи провалился. Мы не смогли призвать духов, а лишь открыли дверь.

Кто-то в толпе тихо зашипел.

— Тени становятся сильнее, — продолжил Старейшина. — Они не просто убивают. Они стирают. Те, кто погибает на опушке, не уходят к лунам. Они возвращаются искажённые и голодные.

Я сглотнула. Мы, Волчий клан, знали это лучше всех. Мы были Хранителями тайн. Знали, что за каждой Тенью стоит душа того, кого когда-то любили. Но сказать вслух, что враг — это наши же мёртвые предки и сородичи... на это не хватало духа ни у кого.

— Что нам делать? — прорычал предводитель Медвежьего клана. — Мы будем биться, пока на лапах есть когти!

— Смерть не поможет, — раздался голос моей матери.

Она вышла из тени деревьев. Серебристо-белая, прямая, как натянутая тетива. Её янтарные глаза светились в полумраке. Она не смотрела на других. Она смотрела только на Старейшину.

— Мы знаем правду, — сказала она. — Разлом питается нашей болью и нашим страхом. Пока тайны Волчьего клана живы, Разлом знает, как нас сломать. Он знает наши слабости.

Она сделала шаг вперёд.

— Мы должны войти внутрь. Забрать тайны с собой. Сдерживать границу изнутри.

Тишина стала абсолютной. Даже ветер замер.

— Это самоубийство, — прошептала предводительница Лисьих. — Вы станете частью Разлома, его Тенями.

— Мы станем стеной, — твёрдо ответила мать. — Лес выживет. А мы... мы просто забудем.

Старейшина долго смотрел на неё. Потом медленно, очень медленно склонил голову.

— Волчий клан, — произнёс он, и в его голосе зазвела боль. — Вы берёте на себя бремя, которое не под силу остальным. Лес будет помнить вас. Даже если вы сами себя забудете.

Предводительница Лисьих опустила хвост и закрыла глаза. Где-то за спинами Барсучий целитель тихо, по-детски заскулил. Предводитель Медвежьего клана — огромный кот со

шрамом через всю морду — низко склонил голову: так Стражи склоняются только перед теми, кого никогда не забудут.

Мать кивнула. Она обернулась и посмотрела прямо на мой корень. Прямо в щель, где я пряталась. Она знала, что я там. Она всегда знала.

— Юки, — позвала она.

Я вылезла из дупла. Мои лапы дрожали. Я подошла к ней, уткнулась носом в её бок. Она пахла лунным мхом и дождём. Единственный знакомый и безопасный запах в этом умирающем мире.

Вокруг нас начали собираться остальные. Дядя Гром с его рваным ухом. Тётя Луна, которая всегда давала мне поиграть со своим хвостом. Маленький Ветер, который был всего на луну старше меня.

Я считала их. Один. Два. Три...

Нас было всего двадцать три. Весь наш клан. Одна большая семья.

— А я? — пискнула я, когда мать наклонилась ко мне. — Я тоже пойду? Я буду хранить тайны!

Мать лизнула меня в лоб. Её шершавый язык был горячим.

— Нет, маленькая. Тайны должны жить. А ты — наша память.

Она отстранилась и посмотрела на меня так, что у меня перехватило дыхание. В её глазах не было слёз. Волчьи не плачут. Но в них горело столько любви и столько боли, что

мне захотелось завывать.

— Беги, — прошептала она. — Беги к границе. Найди Ло-вику из Медвежьего клана. Скажи ей, что Волк прислал тебя. Она примет.

— А ты? — мой голос дрогнул, превращаясь в тонкий писк.

— Мы станем хранителями. Изнутри.

Она посмотрела на остальных. Двадцать три силуэта. Они не прощались. Они просто кивнули друг другу.

— Живи, Юки. Помни. И не бойся Теней.

Она сделала шаг назад, к мерцающей фиолетовой трещине в воздухе, которая пульсировала прямо на поляне. Разлом звал их. Я чувствовала его кожей — он был холодным и голодным.

— Мы не злые, — сказала мать, и её голос растворился в шёпоте аномалии. — Мы просто... забыли.

Они шагнули в свет. Все сразу. Двадцать три серебристых силуэта растворились в фиолетовом сиянии. И лес замер. Разлом на мгновение стал ярче, а потом медленно, словно наевшись, начал сжиматься.

Я стояла одна на поляне. Запах озона ударил в нос. Мои чёрные подушечки лап, подарок нашего клана, почувствовали вибрацию земли. Я не завывала, не заплакала. Просто развернулась и побежала.

Бежала так, как никогда не бегала раньше. Ветки хлестали по морде, корни пытались зацепить лапы, но я не чувствова-

ла боли — было только одно: я должна жить и должна помнить. Потому что, если забуду их, они исчезнут по-настоящему.

Глава 2. Бегство

Свет погас.

Разлом схлопнулся с тихим, но оглушительным хлопком, похожим на удар огромного сердца. На мгновение поляна погрузилась в абсолютную звенящую тишину. Там, где секунду назад стояли двадцать три серебристых силуэта, был лишь выжженный круг земли, покрытый лёгким, пульсирующим фиолетовым инеем.

Я стояла одна. Маленькая, одинокая и живая. Ветер донёс последний шёпот аномалии, и в голове эхом отозвалось: «Беги».

Я сорвалась с места. Лапы тяжело ударили по корням и мху, хвост вытянулся в струну, балансируя тело в бешеном темпе. Я не знала, куда именно бежать, — просто знала, что нужно уйти отсюда. Подальше от поляны. Подальше от тишины, которая давила на уши сильнее, чем гром.

Лес изменился. Пока я бежала, деревья вокруг будто состарились на сотни лун. Кора почернела и покрылась мерцающими трещинами, из которых сочился тот самый сладковатый, тошнотворный запах. Воздух стал густым, вязким, его было тяжело вдыхать. Он пах озоном, горелой шерстью и чужим страхом.

Бок кололо, будто под рёбра закатился камень. Язык пе-

ресох, сердце колотилось так, что, казалось, его слышит весь лес. Но я бежала. Здесь самым страшным была земля.

Там, где я ступала, трава покрывалась серебристой плёнкой, а воздух потрескивал от мелких невидимых разрядов. Я чувствовала, как аномалия пытается прожечь путь к моей коже, как тянется ко мне холодными невидимыми щупальцами. Обычный кот из Лисьего или Барсучьего клана обжёг бы подушечки за первые же шаги — его лапы начали бы неметь и отказывать.

Но мои лапы...

Мои чёрные подушечки, за которые меня иногда дразнили котята, сейчас были моей спасительной бронёй. Они впитывали холод аномалии, слегка покалывая, словно от сильного мороза, но не пропускали боль. Они скользили по искажённой земле так же уверенно, как по тёплому мху. Дар Волчьего клана. Моя единственная защита в этом умирающем мире.

«Мы не злые. Мы просто... забыли».

Голос матери звучал в ушах громче, чем треск ломающихся веток. Я бежала, и слёзы наконец прорвались, смешиваясь с пылью и хвоей на мордочке. Мне было больно. Не лапам — душе. Почему я? Почему я должна была жить, когда они все шагнули в небытие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.